

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА

И ЖИЗНЬ

№ 23.

1912.

А. В. Нежданова въ роли Джильды.

(Къ гастроямъ въ Парижъ.)

МОСКВА

Цѣна отд. № 15 коп.

Воскресенье, 8 июля 1912 г.

ВОСПОМИНАНІЯ А. П. ЧЕХОВЪ.

Воспоминанія М. П. Чехова.

(Окончаніе. См. № 27.)

Антонъ Павл. не былъ врачомъ-практикомъ, но судя по тому, какъ онъ интересовался юридическими науками и какъ отлично зналъ всѣ права, изъ него вышелъ бы превосходный юристъ. Адвокатура была для него одной изъ завидныхъ профессій, и онъ долго не промалъ мнѣ того, что по окончаніи юридическаго факультета я не пошелъ сразу въ адвокаты. „Будь адвокатомъ“,—часто онъ мнѣ писалъ и говорилъ. Его „Островъ Сахалинъ“, которому онъ придавалъ значеніе диссертации,—произведеіе скорѣе юриста, чѣмъ врача.

Но если Антону П.—чу не нравилась врачебная практика, то я занятая литературой его вначалѣ пугала неизвѣстностью будущаго („я хандрилъ, ибо страшился безденежнаго будущаго“). И только со времени первой поѣздки въ Петербургъ онъ сталъ твердо вѣрить въ свое литературное призваніе. Въ Петербургъ онъ поѣхалъ не сразу, какъ это дѣлаютъ теперь молодые писатели, а уже довольно поработавъ въ московскихъ изданіяхъ, гдѣ ему буквально платили гроши. За свой романъ „Драма на охотѣ“, помѣщенный имъ въ „Новостяхъ Дня“, который тогда еле-еле скривѣли, онъ получалъ всего только по 3 рубля въ недѣлю. Я тогда былъ студентомъ и ходилъ по редакціямъ за гонораромъ, на что я имѣлъ отъ Антона Павловича удостовѣреніе слѣдующаго содержанія: „Медицинское свидѣтельство. Дано сіе студенту Императорскаго Московскаго университета Михаилу Павловичу Чехову, православному вѣроисповѣданія, въ удостовѣреніе, что онъ состоитъ съ 1865 года моимъ роднымъ братомъ и уполномоченъ мною брать въ редакціяхъ, въ коньхъ я работаю, денегъ, сколько ему потребно, что подписомъ и приложеніемъ печати удостовѣрять. Врачъ А. П. Чеховъ. Москва 1866 г. января 15-го дня.“ На свидѣтельствѣ этомъ наварена сургузная печать.

Бывало, придешь съ этими документами въ „Новости Дня“ за полученіемъ 3-хъ рублей и ждешь-ждешь, когда газетчикъ принесетъ выручку... Сидать сотрудничать... Тутъ же дѣвочка равучиваетъ гаммы на роялѣ. И почему-то ужасно хочется чаю.

— Чего вы ждете?—спроситъ, наконецъ, издатель, которому станеть жалко ожидающихъ.

— Да вотъ получить три рубля...

— У меня ихъ нѣтъ... Гдѣ же я ихъ возьму? Можетъ быть, вы сидеть въ театрѣ хотите? Или брочки ловные?

Такъ сходите къ портному такому-то и возьмите у него брочки за мой счетъ!

И у него дѣйствительно не было денегъ. И нужно только удивляться, на какой тонкой ниточкѣ держалось тогда журнально-газетное дѣло въ Россіи!

Въ то время Антонъ Павл. работалъ въ „Вудильникѣ“, „Новостяхъ Дня“, „Москвѣ“ и „Свѣтѣ и Тѣнѣхъ“. Два послѣдніе журнала, впрочемъ, скоро прекратились. Работа въ этихъ органахъ сблизила его съ поэтомъ Пальминымъ. Это былъ горькій пьяница и жилъ съ дамой, которую Антонъ Павлов. прозвалъ фефелой. Фефела очень пила и, чтобы лишній разъ выпить, всякій разъ обращалась къ Пальмину съ фразой:

— Людоръ Ивановичъ, вамъ не пора пиво пить?

Пальминъ писалъ стихи въ „Осколкахъ“ и былъ пріятелемъ Н. А. Лейкина.

Однажды Лейкинъ пріѣхалъ въ Москву и, вытащивъ Пальмина изъ его берлога, повезъ его провѣтриться. Когда они ѣхали по Тверской, то имъ навстрѣчу попался шедшій по тротуару молодой человекъ съ длинными волосами.

— Вы знаете, кто это?—спросилъ Лейкина Пальминъ.

— Нѣтъ,—отвѣталъ Лейкинъ.

— Это Чеховъ! Вотъ человекъ, котораго слѣдовало бы пригласить въ „Осколки“.

Разговоръ этотъ записанъ Лейкинымъ въ памятную книжку Антона Павловича и, дѣйствительно, представляетъ собою эпоху въ литературной дѣятельности Чехова. И я вполнѣ понимаю Н. А. Лейкина, когда встрѣтившись со мною какъ-то въ „Медведѣхъ“, онъ прослезился и, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, сказалъ:

— И Чехова родилъ!

Какъ бы то ни было, а именно благодаря описанной встрѣчѣ на Тверской, Лейкинъ пригласилъ Чехова въ „Осколки“, и съ этого момента вся лигературная дѣятельность писателя стала переходить изъ Москвы въ Петербургъ. Вслѣдъ за Лейкинымъ Антона П.—ча приглашаютъ сотрудничать въ „Петербургскія Газетъ“, и именно здѣсь онъ помѣщаетъ лучшіе изъ мелкихъ своихъ разсказовъ. Разказы эти обращаютъ на него вниманіе Д. В. Григоровича, и Антонъ П.—чъ начинаетъ сотрудничать въ „Новомъ Времени“, гдѣ Григоровичъ былъ своимъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ съ Петербургомъ у Антопа П—ча завязываются литературныя связи, и онъ собирается, наконецъ, туда самъ. Петербургъ производитъ на него ошеломляющее впечатлѣніе. Вотъ что писалъ онъ мнѣ оттуда въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени: „Питеръ великолѣпенъ. Я чувствую себя на седьмомъ небѣ. Улицы, вывозчики, провизія—все это отлично, а умныхъ и порядочныхъ людей столько, что хоть выбирай. Каждый день акакомлюсь. Вчера, напр., съ 10½ часовъ утра до трехъ и сидѣть у Михайловскаго въ компаніи Глѣба Успенскаго и Корсаенко; Фля, пиди и дружески болтали. Ежедневно вырвался съ Суворовымъ, Вуренинымъ и проч. Всѣ напереравы приглашаютъ меня и курятъ мнѣ ойміамъ. Я за три дня поподнѣлъ. Какъ я жалѣю, что не могу всегда быть здѣсь! Воспоминаніе о предстоящемъ возвращеніи въ Москву, кишащую NN и ZZ, портитъ мнѣ кровь. Знакомство съ дамами. Получилъ отъ нѣкоторыхъ приглашенія. Подду, хотя въ каждой фразѣ ихъ хвалебныхъ рѣчей слышится эсикопатія.“ И далѣе: „Предубѣжденіе къ Петербургу—вещь довольно не похвальная въ интеллигентномъ чинѣ“.

Въ Петербургѣ у Антопа П—ча завязалось близкое знакомство съ Григоровичемъ, Плещеевымъ, Полонскимъ, Ивановымъ. Григоровичъ сталъ наѣзжать къ Антону П—чу въ Москву, а Плещеевъ даже много времени гостилъ. Первоначально знакомство Антопа П—ча съ Полонскимъ.

Кто-то изъ литераторовъ пришелъ къ Антону П—чу и сообщилъ ему, что Полонскій желаетъ съ нимъ познакомиться и просить его пожаловать къ себѣ. Антонъ П—чъ согласился, и оба тотчасъ же отправились къ Полонскому. Литераторъ представилъ его. Къ удивленію Антопа Павловича, Полонскій такъ сурово принялъ его, что никакъ нельзя было даже и предполагать, что старикъ желаетъ съ нимъ встрѣчи и даже самъ посылалъ за нимъ.

— Смотришь не хочешь,—разсказывалъ мнѣ братъ,—браничить, стучать костылемъ... Вотъ, думаю, невѣжа! И это посѣлъ столько-то изумительныхъ писемъ!

Наконецъ, когда сидѣть больше было уже невозможно, братъ поднялся и простился съ Полонскимъ. Полонскій взялъ костыль и нехотя, изъ възлывости, пошелъ провожать его въ прихожую.

— Да вы чѣмъ, собственно, занимаетесь, г. Чубиковъ?—обратился къ Антону П—чу Полонскій, когда тотъ былъ уже въ пальто.

— Я не Чубиковъ, а Чеховъ,—отвѣтилъ братъ.

— Какъ?!

— Чеховъ...

— Ахъ я дуракъ!!—И Полонскій хлопнулъ себя по лбу.—Не разсказывалъ вашей фамиліи! Слышу что-то въ родѣ „чу“, „чо“...

И брату пришлось раздѣться снова, снова войти въ кабинетъ и уже на этотъ разъ провести интересный вечеръ.

А. Н. Плещеевъ проинялъ у Антопа П—ча почти дѣлный мѣсяцъ въ 1888 году, когда всѣ мы жили въ Малороссіи въ усадьбѣ Линтваревыхъ „Лука“. Это было уже тогда дряхлый старецъ, шамкавшій слова. Но отъ всей его фигуры вѣяло какимъ-то обаяніемъ, что-то съ перваго взгляда приковывало всѣхъ къ нему. Варшавинъ такъ прямо увлекся въ немъ.

Для Алексѣя Николаевича у насъ была отведена отдѣльная комната, очень бѣдно обставленная, но онъ былъ такъ мило, что этого не замѣчалъ. Сочинялъ онъ вслухъ. Вывало, слышишь, что въ его комнатѣ кто-то кричитъ илъ зоветъ на помощь. Испугаешься и заглянешь къ нему въ дверь.

— Алексѣй Николаевичъ, вамъ чего?—спросишь его.

— А?—удивится вдругъ А. Н. и мило, по-старчески, улынется.

Къ Плещееву Антонъ Павловичъ относился съ глубокимъ уваженіемъ, дорожилъ его мнѣніемъ, во каждую минуту била за его здоровье. А. Н. очень любилъ мучное, а любила обкармливать, и то и дѣло Антону

Павловичу приходилось быть врачомъ, чего, сколько знаю, онъ не любилъ.

Но старика-писатели вскорѣ поумирали, братъ очень извѣтрился въ своихъ петербургскихъ знакомыхъ и сразу охладѣлъ къ Петербургу. „Такой-то сталъ лживъ,—писалъ онъ мнѣ,—такой-то хитеръ, такіе-то начтожные люди во всѣхъ смыслахъ, а такой-то былъ хороше, да умеръ“. И по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлъ самъ и какъ ближе знакомился въ Меликовѣ съ жванью, Петербургъ все болѣе и болѣе сталъ казаться ему празднымъ, холоднымъ, эгоистичнымъ. Зато Москва—онъ любилъ ее, какъ настоящій москвичъ. Онъ любилъ ея людей, ея климатъ, звонъ. Вывало, онъ соберетъ цѣлую компанію и отправляется съ нею пѣшкомъ на Каменный мостъ слушать пасхальный звонъ. Жадно выслушавъ его, онъ отправлялся затѣмъ бродить по церквамъ, изъ церкви въ церковь, и съ одеревѣвшими отъ усталости ногами только къ концу пасхальной ночи приходилъ домой. Въ это время изъ приходской церкви уже возвращался любовный достоять всѣ службы до конца овецъ, мы всѣ хоромъ пѣли „Хрестость Воскресе“ (Антонъ Павловичъ басомъ) и сажались разговляться. Антонъ П—чъ выпивалъ рюмочку 3—4 водочки и шутилъ. Я не помню, чтобы Антонъ П—чъ хоть разъ, даже въ Меликовѣ, проведъ пасхальную ночь въ постели.

Жюль Лерра въ своей книгѣ „Au pays Russe“ такъ характеризуетъ Антопа Павловича: „Вотъ наконецъ и усадьба Меликовъ. Мнѣ указываютъ на большое мѣсто, окруженное бередами; я вхожу туда и, проблуждавъ по светному двору, гдѣ цѣлый легионъ собакъ хватаетъ меня прямо за брюки, вижу, наконецъ, домикъ, гдѣ обитаетъ самъ хозяинъ явнѣи. Онъ выходитъ ко мнѣ своей широкой и какъ бы нетвердой походкой, въ сопровожденіи двухъ таксъ, церемонныхъ и смѣшныхъ. Это человекъ нѣсколько болѣе 30-ти лѣтъ, высокой, худощавый, съ яснымъ лбомъ и длинными водо-сами, которые онъ отбрасываетъ машинальнымъ движениемъ пальцевъ назадъ, съ прямыми, испытующими взглядомъ, то простоупнымъ, то не безъ хитрости. Его первая встрѣча немножко холодна, но непринужденна; очевидно, онъ изучаетъ того, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло, и чувствуетъ, что и я его тоже изучаю. Но вотъ первый шагъ

уже сдѣланъ и разговоръ между нами начинается "... „Въ другой разъ“, — пишетъ далѣе Жюль Лёгра, — „я нашёлъ въ немъ что-то до такой степени притягательное, что видаться съ нимъ стало для меня уже потребностью“.

Сколько знаю брата, это одна изъ лучшихъ его характеристикъ. Дѣйствительно, вѣсколько замкнутый при первой встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ, онъ затѣмъ обижалъ въ себѣ всегда что-то такое, что навѣки привязывало къ нему людей. Впрочемъ, объ этомъ писалось уже не разъ.

M. Teslovz
